

УДК 130.2; 130.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-6

Шульженко А. А.¹, Мотовникова Е. Н.² | Творческая личность в философско-литературной концептуализации Ап. А. Григорьева

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1252781@bsuedu.ru

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; motovnikova@bsuedu.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка предварительного упорядочивания основных элементов философской концепции творческой личности литературного критика, поэта и философа XIX века А.А. Григорьева. Анализ программных статей А.А. Григорьева позволяет выделить ключевые, в его понимании, конкретные свойства творческой личности, в совокупности своей обеспечивающие главное фактическое творческое действие её, а именно, правдивое выражение народных идеалов. Творцу фундаментально необходимо быть отзывчивым и сочувствующим, открытым и правдивым, полным сознательной и свободной силы в творчестве. Чтобы наиболее ясно и конкретно-наглядно раскрыть свою концепцию, Григорьев в порядке аргументации использует примеры творцов, Карамзина, Пушкина, Островского, как чутких народных писателей, возвращенных на родной почве. Самобытность позиции Григорьева ярко проявляется в его решительном отмежевании от главных литературно-критических направлений своего времени, славянофильства и западничества, – как односторонних (теоретических). Критик искал в творческой личности жизненной полноты и гармонизации внутреннего и внешнего – народного. Искусство становится живым, когда положительно выражает вечные идеалы, и у Григорьева нравственность нераздельна с искусством, он объединяет этику и эстетику. Тема творческой личности в работах А.А. Григорьева рассматривается в контексте других его центральных тем и категорий, таких как религия и органическая критика. Эти контекстуальные связки не только демонстрируют цельность и стилистическую связность григорьевских размышлений, они также открывают новые перспективы исследований философии искусства Григорьева: проблемы нравственности, сознательного и бессознательного и др.

Ключевые слова: А.А. Григорьев; творческая личность; органическая критика; народность в творчестве; литературная критика; эстетика

Для цитирования: Шульженко, А. А., Мотовникова, Е. Н. (2025), «Творческая личность в философско-литературной концептуализации Ап. А. Григорьева», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 77-87. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-6

A. A. Shulzhenko¹,
E. N. Motovnikova² | The creative personality in the philosophical and literary
conceptualization of Apollon Grigoriev

¹ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 1252781@bsuedu.ru

² Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; motovnikova@bsuedu.ru

Abstract. This article attempts to organise the key elements of the philosophical concept of the creative personality, as proposed by the 19th-century literary critic, poet and philosopher A. A. Grigoriev. By analysing Grigoriev's programmatic articles, we can identify the qualities he considers essential to the creative personality. These qualities ensure the primary creative act of truthfully expressing popular ideals. According to Grigoriev, it is fundamental for a creator to be responsive and compassionate, open and truthful, and full of conscious, free creative force. To expound his concept most clearly and concretely, Grigoriev uses the example of artists such as Karamzin, Pushkin and Ostrovsky, who he describes as responsive folk writers nurtured in their native soil. Grigoriev's originality is evident in his decisive rejection of the main literary-critical movements of his time, Slavophilism and Westernism, which he considered to be one-sided (or theoretical). The critic sought the fullness of life and the harmonisation of the inner and outer worlds in the creative personality. Art comes to life when it positively expresses eternal ideals, and for Grigoriev, morality and art are inseparable; he unites ethics and aesthetics. The theme of the creative personality is examined within the context of Grigoriev's other central themes and categories, such as religion and organic criticism. These contextual connections demonstrate the integrity and stylistic coherence of Grigoriev's reflections, and open up new perspectives for researching his philosophy of art, including issues of morality, the conscious and the unconscious.

Key words: A.A. Grigoriev; creative personality; organic criticism; national character in creative work; literary criticism; aesthetics

For citation: Shulzhenko, A. A., and Motovnikova, E. N. (2025), "The creative personality in the philosophical and literary conceptualization of Apollon Grigoriev", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 77-87, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-6

Эстетическое чутье литературного критика А.А. Григорьева, «самого вдумчивого и самого глубокомысленного из наших литературных критиков» (Розанов, 1995: 600) «золотого века» русской литературы, развилось на благодатной почве: к его расцвету «уже были написаны гениальные шедевры А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя. Создавали свои произведения И.С. Тургенев, А.Н. Островский, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и другие авторы» (Писарчик, 2017: 59). Чтобы подступиться к великим произведениям, необходимо иметь сообразные способности, и Григорьев имел «непосредственный дар, дар врожденный» – он «страстно чувствовал человеческое слово, страстно чувствовал поэтические и художественные образы» (Розанов, 1995: 601). Дар этот был дополнен широчайшей начитанностью и полной самостоятельностью мышления (см. там же). «Чтобы сущность предмета была нам постижима, должно быть некоторое соответствие

между нашею натурою и природою предмета» (Страхов, 1876: II), – и Аполлон Григорьев представлял собой редкий образчик соразмерного сочетания собственного творчества и отзывчивости к творчеству чужому, способности к глубинному пониманию, тщательному аналитическому разбору и точной оценке произведений в контексте всемирного литературного процесса. Григорьев «сам жил художественными типами и образами почти в той же мере, как ими живут художники, ... на себе знал, что такое – “стремление создать в себе и утвердить в душе обаятельные призраки и идеалы чужой жизни”, и как пробуждаются в душе “кровные, племенные, жизненные симпатии”, стремление “к своей почве”» (Страхов, 1876: V). Нас интересует в этой статье предметная критическая рефлексия Григорьева-критика по поводу собственных сил художника и влияний на него окружающей жизни, которые в совокупности рождают гения, наивысшую форму феномена творческой личности.

Тема эта напрямую мало разработана в научной и историко-философской литературе, однако ряд авторов так или иначе касается ее. Особенности отношения Григорьева к литературно-критическим направлениям и взаимосвязь его религиозных и нравственных воззрений анализирует Т.П. Писарчик (Писарчик, 2009) (Писарчик, 2017). Сходную проблематику рассматривает и В.А. Фатеев, глубоко погружаясь в религиозное самоопределение Аполлона Григорьева, романтического искателя идеалов (Фатеев, 2021), а затем выходя на уровень еще более общего размышления о становлении и развития Григорьева как литературного критика и философа (Фатеев, 2023). Так же от частного к общему движется в своих исследованиях Л.Д. Иванова: от анализа влияния В.Г. Белинского на формирование понимания А.А. Григорьевым феноменов творчества и «истинного художника» (Иванова, 2011) к более широкой постановке вопроса о становлении воззрений Григорьева на личность и различные концептуализации способностей и характера (Иванова, 2022). Коллективная юбилейная статья (Даренский, Дронов и др., 2023) изобилует множеством уточнений и пояснений относительно распространенной об А.А. Григорьеве информации, о его образе «главного идеолога почвенничества» и др., нам же и здесь наиболее важны рассуждения по вопросу о становлении художника в свете народных идеалов. С.Н. Носов рассматривал сходства и различия в понимании личности у Григорьева и Достоевского (Носов, 1988). А К.А. Баршт уточняет различие в позициях между А.А. Григорьевым и Ф.М. Достоевским относительно «всечеловеческого» и того, чем являются высочайшие проявления мировой культуры: движением к народному или уходом от него (Баршт, 2022).

Литературная критика Григорьева определенно философична, хотя при его жизни этого почти никто не понимал. Ретроспективно в этом помогает разобраться Н.А. Бердяев, который тоже, как и А.А. Григорьев, видит за внешними формами искусства корневище нравственного, религиозного, свободного, а «свобода и личность – одно» (Бердяев, 1989: 223), предполагающее творчество. Упоминание Бердяева при разговоре о Григорьеве обосновано смысловой близостью их позиций, и не только в отношении искусства; оба в основании своих взглядов отказываются расширять научность или сухую теоретичность на все сферы жизни: «не должны быть научны искусство, мораль, религия» (Бердяев, 1989: 264). Отсюда и сближение творчества и свободы: для Бердяева «учение о творческом развитии предполагает свободу как основу необходимости и личность как основу всякого бытия» (Бердяев, 1989: 366), для Григорьева же свобода дает наивысшую степень объективности. И более всего это верно в отношении художественного творчества, ведь оно «лучше всего раскрывает сущность творческого акта. Искусство есть сфера творческая по преимуществу. Принято даже называть художественным творческий элемент во всех сферах активности духа» (Бердяев, 1989: 437). Искусство – это земное дело, связанное с высшими началами, это «органически сознательный

отзыв органической жизни, как творческая сила и как деятельность творческой силы» (Григорьев, 1990b: 248).

Именно в творчестве наиболее полно видно народную физиономию – истинный поэт есть народный поэт, он развивается в особой почве и выражает ее идеалы: «Художник увековечивает только жизненно законные типы, ибо на нем лежит обязанность правды и правдивого отношения к явлениям, правдивого положительного, или правдивого отрицательного. Правда есть свет, озаряющий жизнь, отделяющий в ней случайное от существенного, преходящее и временное от неперемennого и вечного. Художник как вноситель света и правды является, таким образом, высшим представителем нравственных понятий окружающей его жизни, то есть своего народа и своего века, и иным даже быть не может истинный художник» (Григорьев, 2008b: 25).

Живая творческая личность возвышается над пресным описанием мира и быта, а строгая работа над формой, пусть и невероятно изысканной, это мертвый снимок, который не ведет к истинному чувству – поэзии действительного, «высшие задачи таланта влекут его не к этому делу, а к искреннейшему анализу души человеческой» (Григорьев, 1990c: 331). Сугубо эстетический формализм для Григорьева – «искусство для искусства», и в этом он не видит ничего, «кроме праздной игры в слова, звуки или краски; в искусстве, рабски отражающем жизнь без осмысления ее разумным (но не рассудочным) светом, – ничего, кроме ненужного и бледного повторения жизни» (Григорьев, 1990b: 248). Так же невысоко ценит он и «деланные» поэтизации, сложенные без энтузиазма, когда виденье поэта скомкано быстро собранными образами и фигурами (Григорьев, 2008b: 72), если художник не заинтересован в проникновении своего чувства в объект, то настоящего творчества не случится. Нужно подчеркнуть, что это именно «высшие задачи таланта», не случайно эту важнейшую мысль позднее повторяет и развивает Н.А. Бердяев, формулируя, что сам талант, как побуждение к творчеству, *должен* осуществиться или соврать – «по плану творения космос дан как задача, как идея, которую должна творчески осуществить свобода тварной души. В плане творения нет насилия ни над одним существом, каждому дано осуществить свою личность, идею, заложенную в Боге, или загубить, осуществить карикатуру, подделку» (Бердяев, 1989: 138).

Григорьев характеризует творческую натуру как предельно отзывчивую, доводящую свое *сочувствие* до *вчувствования*, она – оголенный нерв, отражающий мир вокруг, но цвет творчества этой натуры зависит от того, как именно она проведет дорогу к общим идеалам, что ею будет отброшено, а что поставлено в центр, ведь художник «всегда выражает в творении внутреннее бытие свое, и вот почему у самых даже многосторонних художников все представления составляют только одну большую семью, и, связанные, как члены, плотью и кровью, носят на себе родовую физиономию, печать общего происхождения» (Григорьев, 2008b: 83). Эта цитата раскрывает еще один мотив в размышлениях Григорьева: вечные истины живут внутри любого человека, но *ясны* они гению, поэтому мирозерцание великих умов – это вариации на одну тему – «одну и ту же глубокую, живую веру и правду, – одно и то же тонкое чувство красоты и благоговения к ней встретите вы в Шекспире, в Гоголе, в Гёте и в Пушкине, – та же самая нота звучит и в напряженном пафосе Гоголя, и в мерно-ровном, блестящем течении творчества Гёте, и в благоуханной простоте Пушкина, и в строго-безукоризненном величии Шекспира. Различие может быть только в степени и в цвете вчувствования» (Григорьев, 1990a: 76). Душевные стихии, подвижные органическим талантом, обретают самостоятельную реальность, становятся вполне живыми. Их широта и подвижность значительно превышает рамки определимости и теоретических принципов. В живом творчестве можно рассмотреть совершенно новую тропу и обнаружить, что ранее созданная схема была не полная: живое плодотворно, вечно рождает новое.

Творческая натура *искренняя*, не может забыть своей почвы и везде ищет знакомое, сила ее личная, но все же *объективная* – чувствительность ее таланта позволяет понимать полноту

описываемого, отрешаясь от своей личности, входить в суть вещей (Григорьев, 2008b: 76). Объективность в искусстве Григорьев отличает по силе способностей; так, наиболее простой является способность копировать: «игра или пение по слуху в музыканте и певце; способность к копированию в тесном смысле» (Григорьев, 2008b: 79) – это талант в техническом понимании, как ремесло, но в нем нет свободного творчества. Более серьезным является умение создавать типы – «общие, отрешенные образы» (Григорьев, 2008b: 80), видеть общее в частном, однако типы эти несколько односторонни. Третья степень наивысшая, наиболее сознательная и свободная сила в творчестве, она «обладает светом или идеалом» (Григорьев, 2008b: 81).

Творец преисполнен *разумной любви*. Он может сокрыть ее за враждой, мраком, но он проникает в действительное и умело применяет иронию, разделяя достоверное на ложь и правду, уводя последнюю недалеко от жизни, чтобы за занавесом мы вдруг обнаружили ее – правду, т. е. собственную натуру созданной поэтом действительности, ирония поэта наслаивается на реальное и становится линзой. Если же безнравственное, а значит отрицательное, противное истине становится основой творчества, то это что-то целиком лживое, построенное на незнании добра или же совсем по злему умыслу, но, как писал Н.А. Бердяев, «на отрицании зла формируется личность» (Бердяев, 1989: 133), а личность творца и подавно. Любой народ не способен выжить без *положительных* идеалов. Однако судить о безнравственности нужно осторожно. На примере Байрона Григорьев показывает, что за, казалось бы, отрицательным обнаруживается «протест против неправды без сознания правды» (Григорьев, 2008b: 41). Это совершенно иной ракурс, когда душевный порыв вынуждает творца сражаться с ложью жизни – казнь и ирония, вынутые из собственной натуры – отпечаток того окружающего, в котором он рожден.

Григорьев часто говорит о правде и истине в искусстве во множестве своих статей; помимо морально-этического фактора, его интересует и форма, в которой истина выступает как достоверность, о ней в литературе лаконично высказался В.В. Набоков – что художественный мир, «пока он существует, этот мир должен вызывать доверие у читателя или зрителя» (Набоков, 2010: 176). Григорьев жестко критикует фальшь и ищет доверия, необходимых деталей, что в совокупности делают художественный мир настоящим, однако за внешним он находит нравственные ориентиры, идеалы – «истинный художник сам верует в разумность создаваемой им жизни, свято дорожит правдою, и оттого мы в него веруем, и оттого в прозрачном его произведении сквозит очевидно созерцаемый им идеал» (Григорьев, 1990a: 77).

Акцент на вечных идеалах у Григорьева, противопоставляемый вещам случайным и временным, появляется от сознания потребностей практической жизни. Она объемнее чистой нравственности, ибо произведение, которое воспекает некий идеал, но лишенное *деталей жизни и правды* – плоское произведение, сделанное¹. Оно, безусловно, может говорить о важном и ценном, только этот дидактический пафос помешает созданию цельной живой картины. Некоторые великие авторитеты – Шиллер и Гоголь – имели стремление «уничтожить искусство в пользу нравственности» (Григорьев, 2008b: 16), однако они проводники *живого*, и за счет искренности их собственного таланта, это стремление не осуществилось, их осмысления собственного творчества и роли искусства «высказаны в пылу битвы с видимыми врагами, с конечными и случайными явлениями, которые преимущественно и имелись в виду» (Григорьев, 2008b: 17). В сущности, это и есть признак органического творчества, рожденного

¹ Здесь к месту важное рефлексивное уточнение Григорьева: «До сих пор я не делал ничего иного в своем историческом анализе вопроса о связи искусства с нравственностью, как заменял слово “нравственность” другим словом – “жизнь”» (Григорьев, 2008b: 22), еще до формулировки этой интуиции улавливается, что почва, жизнь, нравственность – теснейшим образом связаны, и одно тянет за собой другое, независимо от того, что возьмем первым.

и уже самостоятельно существующего. Личность автора в нем заметна и сокрыта, он отражает действительность, добавляет ей цвет и растворяется в произведении, становится незаметным, чтобы ничего не нарушить – он везде и нигде. Однако именно с действительности он начинает, она источник правды, а не идеальное (Котельников, 2023: 161).

Линия размышлений Григорьева о взаимосвязи искусства и нравственности со временем дополнялась. В 1856 г. он пишет, что нравственности и искусству характерна цельность, «ибо в понятии о подчинении заключается мысль о разорванности отношения между подчиняющим и подчиняющимся» (Григорьев, 2008b: 28). А в 1861 г. он заключил, что нравственность наполняется искусством, которое само и есть цель: «не искусство должно учиться у нравственности, а нравственность учиться (да и училась и учится) у искусства» (Григорьев, 1990d: 248). Это пример органического единства настоящего художества с жизнью, ведь в «искусстве истинном, полном, отражающем высшие нравственные законы жизни, есть постоянное стремление к хранению идеалов, таковые законы представляющих, если только есть хотя малейшая жизненность в корнях, с которыми они связаны» (Григорьев, 2008b: 70).

Разделение этих понятий – полностью философский плод, он возник в Германии и пришел в Россию вместе с немецкими теориями искусства, но, как думал А.А. Григорьев, не укоренился в мышлении, а остался чисто теоретическим благодаря прочной связи с почвой у отечественных деятелей. Потенциал органического творчества в России очевиден для Григорьева, деятельные умы сосредоточены на явлениях жизни, как, например, Н.И. Новиков, который собирал, не перевирая, то, «чем мыслят чувствуют, живут, поют и верят *необразованные* массы, называемые “народами”» (Григорьев, 2008a: 455), пока умы Европы были заиклены на французской мысли. При обращении к «низменной» или «народной» культуре нужно лишить себя вредных предрассудков о глупости народа, якобы его полная бессознательности жизнь есть нечто унижительное и темное. Н.Н. Страхов сгустил и ясно раскрыл позицию Григорьева, что «сознательное мышление» есть причина распада «прекрасного мира», оно критически направленно, а не позитивно, постоянная аналитика не предлагает чего-то выше теоретических построений, не предлагает жизни (Страхов, 2009: 122). Однако это не значит, что любой интеллектual обедняет свое мышление образованием, это упрек в сторону поверхностности и со стороны Страхова и Григорьева призыв к открытому мышлению, осторожному и ищущему. Творческий интеллектual, полный стремления узнать органическую жизнь, избегает заранее готовых искусственных теоретических конструкций, он стремится увидеть и выразить, позволив через себя родиться новому.

Безусловно, для Григорьева феномен творца сложнее каких-то партийных убеждений о хороших певцах родины и старины или добродетельных просветителей запада. В отличие от славянофилов, которые рассматривали личность как что-то незначительное на фоне народа, Григорьев «ставит вопрос о ее ведущем значении, о передовом положении в борьбе за народность» (Даренский, Дронов и др., 2023: 35). Великий Карамзин, что стал линией между новым и старым, взрастил положительное влияние общеевропейских идей, он их «первый вполне живой орган» (Григорьев, 2008a: 464-466), – эта характеристика раскрывает его прежде всего как готового к диалогу, ведь чтобы понимать, нужно уловить речь, и творец для Григорьева схватывает полноту реальности своего культурного типа с необычайной новизной, не преодолевая своих же черт, что никак не мешает узнать других. Так Карамзин почувствовал общеевропейскую жизнь и показал другим русского европейца.

То, как Григорьев называет Карамзина, – «живой орган», «живой и действительный талант», – говорит об отношении к нему как к органическому творцу, потому что признание только таланта есть согласие со способностями, некоторая техническая характеристика, но возвышает его над мастерством ремесленника органическая роль в общественно-исторической жизни, он именно «живой и действительный талант» (Григорьев, 2008a: 459) (Григорьев повторяет это несколько раз), оказавший влияние на нравственное в литературе.

Одного таланта недостаточно для поэта, нужно *миросозерцание*, которое существует в своем культурно-социальном контексте, оно должно быть «фокусом, отражающим крайние истинные пределы современного ей мышления, последнюю истинную степень развития общественных понятий и убеждений» (Григорьев, 1990а: 75).

Григорьев несколько раз называет Карамзина чутким, потому что он чуток к жизни, ему заметны ее пульсации, он схватывает устроение эпохи – это действительный органический талант творца, и что особенно важно, он «как великий писатель, был вполне русский человек, человек своей почвы, своей страны» (Григорьев, 2008а: 464). Такая значительная сила Карамзина проявляется в «Письмах русского путешественника», где русский человек предстает настоящим и равным всему человечеству, а не карикатурным героем, диким предметом для сатиры. Несмотря на это, сила Карамзина бессознательна или, вернее, «сознательно-бессознательна» (Кривушина, 2023: 119), потому что в «Истории государства Российского» он смотрит на прошлое уже европейским взглядом (Григорьев подразумевает некоторую беспристрастность и независимость). Во многом фальшив в представлении народности, он «был, да и до сих пор есть – единственный у нас историк-художник, историк, отливший наши исторические образы в известные яркие, ясные формы» (Григорьев, 2008а: 472).

Творческая личность у Григорьева возвращена почвой своего особенного народного мира, и она его наиболее мощный выразитель, что сохраняет и развивает в себе. В этом пункте расхождение с Достоевским, у которого «всечеловек» преодолевает национальное, пусть и оставаясь со своей народной физиономией, но он уже более чем национальный тип, он «всечеловек», всеобъемлющий и универсальный – это описание следует в русле размышлений Достоевского о сложном и противоречивом русском характере. Расхождение Григорьева и Достоевского не идейное, оно в степени, и у Григорьева уклон в универсализм умеренный: «наше славянское коренное и типовое есть вместе и наиболее удобная подкладка для истинно человеческого, т. е. христианского, но только подкладка, не более» (Григорьев, 1990а: 66). Универсальность характера – это сложная конструкция, ее и выразить тяжело, и есть риск сказать о ней бездумно, искажая до роли объединителя всего человеческого. Проблема заключается в попытке приложить некие общечеловеческие идеалы, а природа ведь не терпит повторений, и жизнь не прощает посягательств на свои основы (Григорьев, 2008а: 447).

В разговоре о Григорьеве и Достоевском полезно обратиться к суждению С.Н. Носова, что «почвенничество» сковывает и тормозит «развитие индивидуалистических тенденций» (Носов, 1988: 60) – корректно ли говорить об индивидуализме в контексте развития стихий личности у критика? Этот вопрос правомерен, если углубиться в исходные положения Григорьевской критики и обнаружить, что личность вплетена органично в культурную среду, во всё, что под ней понимается: эпоху, место, историю, страдания и надежды. Все-таки индивидуализм не тождественен личности, и для философии Григорьева выражение народного в конкретном человеке – это очевидный факт развития личности; высокое развитие индивидуальности есть понимание своей почвы, чем оно выше, тем более выразительны плоды жизни этой личности. Одним из примеров является А.Н. Островский: он свое поэтическое внимание направил на средние слои общества, в которых собраны многие общие черты других – «интегральный народный тип, имеющий основания претендовать уже на тип национальный – именно в силу сочетания в себе традиционных народно-крестьянских свойств и благоприобретенных атрибутов европейски образованных верхов» (Дронов, 2023: 92). Также примечателен полемический момент в статье (Григорьев, 1990d), в которой Григорьев противопоставляет свои взгляды «реальной» критике Н.А. Добролюбова как узкому теоретическому направлению. Последний в статье «Луч света в темном царстве» говорит, что Григорьев не может ясно выразить, «за что же именно он ценит Островского», (Добролюбов, 1970: 257) и недостаточно раскрывает категорию «народности», с которой, по словам

Григорьева, Добролюбову и стоило бы начать. Во многом столкновение двух критиков сформировалось на почве разного понимания народности. Для Григорьева это культурная или даже этнокультурная ситуация, а для Добролюбова – социальная или, более современно выражаясь, гражданская.

Главная черта русской литературы, пересечение которой изменило всё – А.С. Пушкин. Григорьев много говорит о нем и широко известна его фраза «Пушкин – наше всё» (Григорьев, 1990а: 56), но важно ее продолжение: «Пушкин – представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остается нашим *душевным, особенным* после всех столкновений с чужим, с другими мирами. *Пушкин* – пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организмами, все то, что принять следует, отбрасывавший все, что отбросить следует, полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности, – образ, который мы долго еще будем оттенять красками. Сфера душевных сочувствий Пушкина не исключает ничего до него бывшего и ничего, что после него было и будет правильного и органически – нашего» (Григорьев, 1990а: 56-57). Национальный творческий гений Пушкина воплощает все свойства и противоречия творческой личности как таковой и русского гения конкретно, а гений Григорьева впервые полно и ясно раскрыл национальный смысл Пушкина, что именно с ним и в нём четче всего проявились душевные стихии народа и значение русского национального вопроса: народ – власть – поэт – толпа – творчество – история народа... Для органической философии Григорьева «народность литературы как национальное начало является понятием безусловным» (Фатеев, 2021: 111), он не устает объяснять, что творцу необходимо понимать жизнь народа, чувствовать ее, жестокосердие убьет истинное художество – «Не народ существует для словесности, а словесность (в самом обширном смысле, то есть как всё многообразное проявление жизни в слове) для народа, – и не словесностью создается народ, а народом словесность» (Григорьев, 1990d: 213).

Творческая личность в концептуализации Ап. Григорьева, как мы можем ее реконструировать по его главным философско-литературным текстам, выступает как личность, во-первых, – свободная, то есть непредвзятая, не ангажированная, в этом смысле объективная; не связанная никакой теорией, методом и школой в своем мышлении и представлениях; не признающая над собой никакого внешнего долга – перед литературной «партией» или общественным идеологическим направлением. Благодаря этой свободе творческая личность, во-вторых, открыта для всех проявлений жизни: – ей органически присуща непритворная, не наигранная открытость непосредственной народной жизни во всех ее низинах и глубинах, связь с родной материальной и духовной почвой, чувство народной речи, мелодии, движения, предрассудка, юмора... – но не подражательность этой бессознательной непосредственности и наивности в своих творениях. Творческая высота и достоинство художника, в-третьих, – абсолютная искренняя правдивость его образов и произведений, осмысление прочувствованной и понятой жизни с позиций высших, вечных истин, наполнение светом этих истин своих творений.

Литература

- Баршт, К. А. (2022), «О концепте почва в трудах старших славянофилов и в творчестве Ф.М. Достоевского 1860–1870-х гг.», Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 19(1), 4-28. DOI: 10.21638/spbu09.2022.101; EDN: ZYXEUF
- Бердяев, Н. А. (1989), *Философия свободы. Смысл творчества*, Правда, Москва.
- Григорьев, А. А. (1990а), «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», *Григорьев, А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2*, Художественная литература, Москва, 48-125.
- Григорьев, А. А. (1990b), «Искусство и нравственность», *Григорьев, А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2*, Художественная литература, Москва, 246-261.

Григорьев А. А. (2008a) «Народность и литература», *Апология почвенничества*, сост. Белов, А. В.; отв. ред. Платонов, О., Институт русской цивилизации, Москва, 445–479.

Григорьев А. А. (2008b) «О правде и искренности в искусстве. По поводу одного эстетического вопроса. Письмо к А.С. Хомякову», *Апология почвенничества*, сост. Белов, А. В.; отв. ред. Платонов, О., Институт русской цивилизации, Москва, 9–83.

Григорьев, А. А. (1990c), «По поводу нового издания старой вещи. “Горе от ума”. СПб. 1862.», *Григорьев, А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2, Художественная литература*, Москва, 327-343.

Григорьев, А. А. (1990d), «После “Грозы” Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу», *Григорьев, А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2, Художественная литература*, Москва, 212-245.

Даренский, В. Ю., Дронов, И. Е., Ильин, Н. П., Котельников, В. А., Медоваров, М. В., Фатеев, В. А. и Гаврилов, И. Б. (2023), «Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА “Русско-Византийский вестник”», *Русско-Византийский вестник*, 3(14), 12-48. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_12; EDN: EGPQAB

Добролюбов, Н. А. (1970), «Луч света в темном царстве», *Русские классики. Избранные литературно-критические статьи*, Наука, Москва, 231-300.

Дронов, И. Е. (2023), «Аполлон Григорьев в поисках русской идентичности», *Русско-Византийский вестник*, 3(14), 70-100. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_70; EDN: LBLKND

Иванова, Л. Д. (2022), «Теория личности в критическом наследии А. Григорьева 1840–1860-х гг.», *Известия УрФУ. Серия I. Проблемы образования, науки и культуры*, 28(3), 115-124. DOI: 10.15826/izv1.2022.28.3.051; EDN: PUZMRD

Котельников, В. А. (2023), «Философско-эстетические концепции и литературная критика А.А. Григорьева в оценках А. Волынского», *Русско-Византийский вестник*, 3(14), 159-167. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_159; EDN: VWCYXS

Кривушина, В. Ф. (2023), «“Исторический взгляд” Аполлона Григорьева и философия Ф.В.Й. Шеллинга», *Русско-Византийский вестник*, 3(14), 115-131. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_115; EDN: FJXKBQ

Набоков, В. В. (2010), *Лекции о русской литературе*, Азбука-Классика, Санкт-Петербург.

Носов, С. Н. (1988), «Проблема личности в мировоззрении Ап. Григорьева и Ф.М. Достоевского», *Достоевский. Материалы и исследования. Т. 8*, отв. ред. Г.М. Фридендер, Наука. Ленинградское отделение, Ленинград, 52-71.

Писарчик, Т. П. (2017), «Философия русской литературы Аполлона Григорьева», *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 9, 59-63. EDN: XEVIIM

Розанов, В. В. (1995), «К 50-летию кончины Ап. А. Григорьева», *Собрание сочинений. О писательстве и писателях*, Никулюкин, А. Н. (ред.), Республика, Москва, 600-602.

Страхов, Н. Н. (2009), «Органические категории (по поводу статьи г. Эдельсона Идея Организма. Библиотека для Чтения. 1860 г. № 3)», *Вопросы философии*, 5, 116-124. EDN: KBDCUX

Страхов, Н. Н. (1876), «Предисловие», *Сочинения Аполлона Григорьева. Том первый (С портретом)*, Издание Н.Н. Страхова, Типография товарищества «Общественная Польза», Санкт-Петербург, I–IX.

Фатеев, В. А. (2021), «Философия религии Аполлона Григорьева как воплощение почвеннического идеала абсолютного», *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*, 3(11), 97-120. DOI: 10.47132/2541-9587_2021_3_97; EDN: JQKDIW

Фатеев, В. А. (2023), «Философия почвенничества и органическая критика Ап. Григорьева. Юбилейные размышления», *Русско-Византийский вестник*, 3(14), 49-69. DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_49; EDN: CNQAYI

References

Barsht, K. A. (2022), “On the concept of soil in the works of senior Slavophiles and in the work of F.M. Dostoevsky in the 1860s-1870s”, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19(1), 4-28 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu09.2022.101; EDN: ZYXEFU

Berdyayev, N. A. (1989), *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity], Pravda, Moscow, Russia (in Russ.).

Darensky, V. Yu., Dronov, I. E., Ilyin, N. P., Kotelnikov, V. A., Medovarov, M. V., Fateev, V. A. and Gavrilov, I. B. (2023), “The Philosophy of Apollon Grigoriev (1822-1864) in the Context of Russian and European Thought and Culture. On the 200th Anniversary of His Birth. Proceedings of the Round Table of the St. Petersburg Theological Academy Scientific Journal ‘Russian-Byzantine Herald’”, *Russian-Byzantine Herald*, 3(14), 12-48 (in Russ.). DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_12; EDN: EGPQAB

Dobrolyubov, N. A. (1970), “A Ray of Light in the Dark Kingdom”, *Russkiye klassiki. Izbrannyye literaturno-kriticheskiye statii* [Russian Classics. Selected Literary Critical Articles], Nauka, Moscow, 231-300 (in Russ.).

Dronov, I. E. (2023), “Apollon Grigoriev in Search of Russian Identity”, *Russian-Byzantine Herald*, 3(14), 70-100 (in Russ.). DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_70; EDN: LBLKND

Fateev, V. A. (2021), "The Philosophy of Religion of Apollon Grigoriev as the Embodiment of the Pochvennik Ideal of the Absolute", *Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*, 3(11), 97-120 (in Russ.). DOI: 10.47132/2541-9587_2021_3_97; EDN: JQKDIW

Fateev, V. A. (2023), "The Philosophy of Sociology and the Organic Criticism of Apostle Grigoriev. Anniversary Reflections", *Russian-Byzantine Bulletin*, 3(14), 49-69 (in Russ.). DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_49; EDN: CNQAYI

Grigoriev, A. A. (1990a), "A Look at Russian Literature Since the Death of Pushkin", *Grigoriev, A. A. Sochineniya: V 2 t. T. 2* [Grigoriev, A. A. Works: In 2 vols. Vol. 2], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 48-125 (in Russ.).

Grigoriev, A. A. (1990d), "After Ostrovsky's 'The Storm.' Letters to Ivan Sergeevich Turgenev", *Grigoriev, A. A. Sochineniya: V 2 t. T. 2* [Grigoriev, A. A. Works: In 2 vols. Vol. 2], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 212-245 (in Russ.).

Grigoriev, A. A. (1990b), "Art and Morality", *Grigoriev, A. A. Sochineniya: V 2 t. T. 2* [Grigoriev, A. A. Works: In 2 vols. Vol. 2], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 246-261 (in Russ.).

Grigoriev, A. A. (1990c), "Concerning the new edition of an old work. 'Woe from Wit. St. Petersburg. 1862.'", *Grigoriev, A. A. Sochineniya: V 2 t. T. 2* [Grigoriev, A. A. Works: In 2 vols. Vol. 2], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 327-343 (in Russ.).

Grigoriev, A. A. (2008a), "Nationality and Literature", *Apologiya pochvennichestva* [Apology of pochvennichestvo], compiled by Belov, A. V.; Platonov, O. (ed.), Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, 445-479 (in Russ.).

Grigoriev A. A. (2008b) "On Truth and Sincerity in Art. Regarding an Aesthetic Question. Letter to A.S. Khomyakov", *Apologiya pochvennichestva* [Apology of pochvennichestvo], compiled by Belov, A. V.; Platonov, O. (ed.), Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, 9-83 (in Russ.).

Ivanova, L. D. (2011), "Apollon Grigoriev and V. Belinsky: the question of ideas continuity in literary criticism in 1840s-1850s", *Mediascope*, 4, 17 (in Russ.). EDN: OOSDEB

Ivanova, L. D. (2022), "Personality Theory in the Critical Legacy of A. Grigoriev of the 1840s-1860s", *Izvestia of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*, 28(3), 115-124 (in Russ.). DOI: 10.15826/izv1.2022.28.3.051; EDN: PUZMRD

Kotelnikov, V. A. (2023), "Philosophical and aesthetic concepts and literary criticism of A.A. Grigoriev in the assessments of A. Volynsky", *Russian-Byzantine Bulletin*, 3(14), 159-167 (in Russ.). DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_159; EDN: VWCYXS

Krivushina, V. F. (2023), "The Historical View of Apollon Grigoriev and the Philosophy of F.W.J. Schelling", *Russian-Byzantine Bulletin*, 3(14), 115-131 (in Russ.). DOI: 10.47132/2588-0276_2023_3_115; EDN: FJXKBQ

Nabokov, V. V. (2010), *Leksii o russkoy literature* [Lectures on Russian Literature], Azbuka-Klassika, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Nosov, S. N. (1988), "The Problem of Personality in the Worldview of Apostle Grigoriev and F.M. Dostoevsky", *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya. T. 8* [Dostoevsky. Materials and Research. Vol. 8], in Friedlander, G. M., Leningrad branch of the Nauka Publishing House, Leningrad, USSR, 52-71 (in Russ.).

Pisarchik, T. P. (2017), "The Philosophy of Russian Literature by Apollon Grigoriev", *Intellect. Innovations. Investments*, 9, 59-63 (in Russ.). EDN: XEVIIM

Pisarchik, T. P. (2009), "The problem of religion in the philosophical worldview of Apollon Grigoriev", *Bulletin of Orenburg State University*, 7, 88-92 (in Russ.). EDN: KYFDTD

Rozanov, V. V. (1995), "To the 50th anniversary of the death of Ap. A. Grigoriev", *Sobraniye sochineniy. O pisatelstve i pisatelyakh*, [Collected works. On writing and writers], Nikolyukin, A. N. (ed.), Respublika, Moscow, Russia, 600-602 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (2009), "Organic categories (regarding Mr. Edelson's article The Idea of an Organism. Library for Reading. 1860, No. 3)", *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 5, 116-124 (in Russ.). EDN: KBDCUX

Strakhov, N. N. (1876), "Preface", *Sochineniya Apollona Grigorieva. Tom pervyy (S portretom)* [The Works of Apollon Grigoriev. Volume One (With a Portrait)], Published by N. N. Strakhov, Printing House of the Partnership "Obshchestvennaya Pol'za", St. Petersburg, Russia, I-IX (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Шульженко Андрей Александрович, аспирант кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1252781@bsuedu.ru

Мотовникова Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; motovnikova@bsuedu.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Andrey A. Shulzhenko, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 1252781@bsuedu.ru

Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; motovnikova@bsuedu.ru